

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 343.815 + 94 (47)

Научная статья

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-2-67-73>

Исправительный приют для несовершеннолетних преступников при Черноморском Екатерино-Лебяжьем Николаевском мужском монастыре: история открытия и проблемы организации деятельности

П.Г. Немашкалов¹ ✉, А.А. Простяков²

¹Ставропольский государственный педагогический институт, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»

²Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

✉ paul_2@rambler.ru

Аннотация

Введение. Современное уголовное и уголовно-исправительное законодательство к несовершеннолетним, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, лишение свободы чаще всего рассматривает единственной формой наказания. Одним из инструментов политики государства во второй половине XIX в. в данной сфере стало активное привлечение монастырей Русской Православной Церкви. Предполагалось, что они должны были стать ведущим органом в борьбе и профилактике в сфере преступности несовершеннолетних.

Материалы и методы. Использованы материалы ряда различных исторических документов, применены исторический, описательный и сравнительный методы научного исследования, позволяющие установить культурно-исторические факторы.

Результаты исследования. Российская империя была страной, которая одна из первых в мире положила начало развитию ювенального законодательства и начала эксперименты по созданию системы исправительных учреждений с привлечением общественных организаций. Достижение положительных результатов в деятельности профилактики и исправления возможно только при широком привлечении общественности, обучении воспитанников приютов востребованным на рынке труда профессиям, сочетании различных программ и религиозных воспитательных практик, при тесном взаимодействии с органами региональной исполнительной власти.

Обсуждение и заключение. В рамках поиска оптимальной модели достижения исправительного эффекта представляется интересным обращение к имеющемуся историческому опыту, когда общество через Русскую Православную Церковь пыталось участвовать в системе организации исправительных учреждений для несовершеннолетних.

Ключевые слова: Российская империя, исправительные приюты для несовершеннолетних преступников, Русская Православная Церковь.

Для цитирования. Немашкалов П.Г., Простяков А.А. Исправительный приют для несовершеннолетних преступников при Черноморском Екатерино-Лебяжьем Николаевском мужском монастыре: история открытия и первые годы работы. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2023;9(2):67–73. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-2-67-73>

Juvenile Correctional Asylum at the St. Nicholas Monastery on the Black Sea: History of the Opening and Problems of Organization

Pavel G Nemashkalov¹ ✉, Alexander A Prostyakov²

¹Stavropol State Pedagogical Institute, 417 "A", Lenin Street, Stavropol, Russian Federation

²North Caucasus Federal University, 1, Pushkin Street, Stavropol, Russian Federation

✉ paul_2@rambler.ru

Abstract

Introduction. Modern criminal and penal legislation for juveniles who have committed grave and especially grave crimes most often considers imprisonment the only form of punishment. One instrument of state policy in the second half of the 19th century in this area was the active involvement of monasteries of the Russian Orthodox Church. It was assumed that they were to become the leading body in combating and preventing juvenile delinquency.

Materials and methods. Materials of a number of different historical documents were used, as well as historical, descriptive and comparative methods of scientific research allowing to establish cultural and historical factors.

Results. The Russian Empire was one of the first countries in the world to initiate the development of juvenile legislation and to experiment with a system of correctional institutions involving public organizations. It is possible to achieve positive results in prevention and correctional activities only with broad public involvement, training of inmates of shelters in demanded professions in the labor market, a combination of various programs and religious educational practices, with close cooperation with regional executive authorities.

Discussion and conclusion. As part of the search for the optimal model for achieving the correctional effect, it is interesting to refer to the existing historical experience, when society through the Russian Orthodox Church tried to participate in the system of correctional asylums for juveniles.

Keywords: Russian Empire, juvenile correctional asylum, Russian Orthodox Church.

For citation. Nemashkalov PG, Prostyakov AA. Juvenile correctional asylum at the St. Nicholas Monastery on the Black Sea: history of the opening and problems of organization. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2023;9(2):67–73. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-2-67-73>

Введение. Широкое включение общественности для решения возникшей ситуации было одной из форм борьбы с подростково-юношеской преступностью со второй половины XIX в. Одним из инструментов политики государства в данной сфере стало активное привлечение монастырей Русской Православной Церкви, которые должны были стать ведущим органом в борьбе и профилактике в сфере преступности несовершеннолетних.

Принятое в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных установило особый порядок определения и применения наказаний к несовершеннолетним, несколько отличный от установленного ранее. В соответствии с его нормами, если несовершеннолетний совершал преступление по неосторожности в возрасте от 14 лет до 21 года, то лишение свободы ему не назначалось. По Уложению, несовершеннолетний подвергался домашнему исправительному наказанию по распоряжению родителей или опекунов [1, с. 2].

17 апреля 1863 г., в ходе реформирования системы наказания, Александром II был принят указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний», которым отменялись телесные наказания, применявшиеся в отношении несовершеннолетних. В пояснении к данному положению было указано, что «это правило заключает в себе лишь первый вызов к учреждению означенных заведений, вызов, который, должно надеяться, не останется без последствий. Дальнейшее устройство предполагаемых учреждений и тех условий, на которых могут быть отдаваемы в них дети по суду, должно быть предметом особого закона» [2]. Мысль о приютах вызвана была заявленной при составлении судебных уставов трудностью «применять к малолетним роды и виды наказаний, установленных общим карательным законом, ибо по особым свойствам детского возраста те меры в применении к детям представляются или совершенно невозможными, или ведущими к положительному вреду» [3, с. 424].

Закон 1866 г. впервые вводил понятие принудительного воспитания. Собственного опыта в его организации Россия не имела, потому трудно было предвидеть, какие именно формы оно могло приобрести [4, с. 142]. Поскольку частные учредители исправительных заведений имели разные взгляды и подходы к делу, то они по-разному понимали и исполняли закон, следовательно, по-разному была организована деятельность открывшихся заведений. Закон не определял мер дисциплинарного воздействия на воспитанников, кроме случаев побега из заведения [5, с. 10].

Материалы и методы. Данное исследование проведено на материале ряда различных исторических документов. Путём применения исторического, описательного и сравнительного методов научного исследования

устанавливаются культурно-исторические факторы, которые оказали влияние на модель организации исправительного приюта для несовершеннолетних преступников при Черноморском Екатерино-Лебяжем Николаевском мужском монастыре.

Результаты исследования. На примере организации работы исправительных приютов, основанных в 1898 г. при монастырях Кубанской области, проводится анализ их деятельности, сложности в организации работы с контингентом в рамках монастырей всей Кавказской кафедры. Организация подобных заведений была возможна только при наличии подходящих условий, с участием полицейской охраны.

Работа в этой области была экономически непосильна для многих монастырей, поскольку за их счет содержались школы, богадельни, приюты, приемные дома, больницы, амбулатории и ряд других богоугодных заведений. Не стоит забывать, что согласно действующим правовым нормам, наблюдение и надзор за воспитательно-исправительными учреждениями принадлежал гражданской власти, исходя из этого, в монастырях в данной сфере вводилось двоевластие, которое создавало коллизии для епархиального управления. Вводимые в приютах порядки не согласовывались с монастырскими уставами, да и вообще с началами церковного воспитания. Большинство монашествующих являлись простыми людьми без школьного образования, были совершенно не подготовлены к воспитанию детей, а тем более преступников, и не способны были удержать их в своем повиновении.

Актуальным становится вывод о том, что успех в деятельности профилактики и исправления был возможен только при широком привлечении общественности, обучении воспитанников приютов востребованным на рынке труда профессиям, сочетании различных программ и религиозных воспитательных практик, при тесном взаимодействии с органами исполнительной власти региона. Однако, как показали результаты проведенного исследования, данный эксперимент не получил широкой поддержки не только в регионе, но и во всей империи.

Обсуждение и заключение. В 70–90-е гг. XIX в. целой плеядой отечественных педагогов, психологов, физиологов, психиатров были заложены основы научной отрасли — педагогической патологии, предметом которой становится трудновоспитуемый ребенок. По мнению Д.А. Дриля, отклонения в поведении могут не закрепиться при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки. Это положение можно отнести и к эстетическому окружению, и к организации полезной деятельности, в том числе художественной [6, с. 43]. Влияние этого направления педагогической мысли привело к тому, что к началу XX столетия в системе мест лишения свободы особое место заняли воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних.

Росту организованных приютов для несовершеннолетних преступников способствовала активная политика государства в данной сфере. В рамках развития нормативно-правовой системы в этом вопросе 2 июня 1897 г. был принят закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости». Роль монастырей как мест заключения была расширена, и многие из них в империи встретили его резко отрицательно. Но, имея большой опыт работы в этой области, органы епархиальной власти Северного Кавказа поддерживали данное начинание [7, с. 82–84].

При Кубанском попечительском комитете о тюрьмах был учрежден Кубанский исправительный приют. Тюремный комитет, с одной стороны, преследовал цель прийти на помощь бесприютным сиротам до постройки здания для исправительного приюта, а с другой, для поддержки монастырей в исполнении возложенных на них обязанностей по содержанию малолетних преступников. Исходя из этого, было организовано отделение Кубанского исправительного приюта при монастырях как мужском, для мальчиков, так и при женском, для девочек [8, с. 469–470].

При личных встречах с настоятелем Пустыни игуменом Сергием директор и член правления приюта А. Д. Бигдаем была проработана фактическая возможность реализации этого проекта. В результате были составлены принципы организации данных учреждений. Как сироты, так и преступники определялись в монастыри Правлением Кубанского исправительного приюта, на который возлагалась обязанность сбора всех предварительных сведений о воспитанниках. В монастыре ребенок передавался, по определению настоятеля обители, под особый надзор отдельного брата или их группе для постоянного над ними надзора и религиозно-нравственного исправления. Из числа монашествующих, с разрешения епископа, назначалось лицо, которому поручалось общее наблюдение за всеми призреваемыми и отчетность по средствам определенных на их содержание. В монастырях призреваемые должны были обучаться грамоте в монастырских школах и различным ремеслам, какие уже были развиты в монастырях и которые предполагалось основать по соглашению с Правлением приюта. Стол был общим для призреваемых в монастырской трапезной. Для проживания в монастырях им выделяли отдельное помещение, или предполагалась возможность размещения с монашествующими и послушники [9, л. 1–2].

9 и 11 октября 1898 г. состоялось Торжественное открытие при монастырях Кубанской области сразу двух приютов для несовершеннолетних преступников и преступниц — при Черноморской Марие-Магдалинской женской обители и Черноморском Екатерино-Лебяжем Николаевском мужском монастыре. Женский монастырь взял на себя воспитание в приюте 25 девушек, в обители для них было выделено два здания: недавно отстроенный дом в центральной ее части и помещение для школы [10, с. 573–574]. При мужском монастыре приют был рассчитан на 20 мальчиков, с разрешения владыки монастырь принял на себя обязанность бесплатно отвести помещение со столом для заведующего приютом и выдавать из монастырских сумм в пособие правлению, на

вознаграждение заведующего ежегодно по 300 руб. Помимо этого, также монастырь начал постройку особого корпуса для отделения приюта, в котором возможно было бы открытие земледельческой школы [9, л. 35–36].

Правление выделяло на содержание каждого призываемого до 40 руб. в год, кроме этого, взяло на свой счет содержание врачей при обителях. Председатель правления вновь обратился к епископу, просьба которого о возложении обязанности заведывания приютом и заведывания школой на одно лицо была удовлетворена. Епископ не смог не согласиться с доводами, которые сводились к тому, что учебная и воспитательная часть не могут быть отделены, а при имеющихся в обителях требуется совершенствование учебно-воспитательного процесса в соответствии с установленными требованиями. На данную должность решено было принимать только тех лиц, которые обладали установленным образовательным цензом и опытом в педагогической сфере. Поскольку монастыри потратили много средств на учреждение приютов, было принято решение предоставить заведующим квартиры. Правление брало на себя часть содержания до 300 руб., по согласованию с Епархиальным училищным советом, епархия брала на себя дополнительную выплату в течении первых 5 лет до 300 руб. на каждый монастырь [9, л. 53–54].

18 марта 1899 года канцелярия обер-прокурора Синода известила епископа Агафодора о том, что на доклад министра юстиции о содействии руководства епархии и открытии при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии исправительных приютов для несовершеннолетних и призрения бесприютных детей в Кубанской области император выразил епархиальному руководству и монастырям монаршее одобрение. Братия Екатерино-Лебяжьего Николаевского мужского монастыря, вдохновленная монаршим одобрением за участие в деле исправительного воспитания несовершеннолетних преступников и сирот, решила учредить в память благоволения императора при отделении Кубанского исправительного приюта, сверх 20 имеющихся в нем мест, еще 12 новых стипендий для призрения и обучения бесприютных сирот с присвоением этим стипендиям наименование «стипендий Николаевских», на что государь повелел благодарить жертвователей [9, л. 70].

Непонимание истинного назначения специализированного исправительного учреждения с двойным подчинением, с одной стороны, Министерству юстиции, а с другой — Русской Православной Церкви, не могло не вызвать казусов в организации его работы. Судебный следователь Екатеринодарского окружного суда 4 марта 1898 г. докладывал Председателю суда, что имея сведения о размещении в монастырях епархии малолетних преступников, он, ведя следственное дело в отношении малолетнего сына крестьянина Н. Васильченко, обвиняемого в вооруженной краже из лавки Баранова и других тяжких преступлений, принял решение отправить его к настоятелю Михайло-Афонской пустыни в монастырь. Данное решение он принял, поскольку в Майкопе не оказалось лиц желающих принять Васильченко на свое попечение, а отправить его домой к отцу он не мог вследствие суровой зимы. Исполняющий обязанности настоятеля казначей иеромонах Амвросий не принял Васильченко и возвратил его с запиской следующего содержания: «Настоящую переписку вместе с малолетним Н. Васильченко препровождая в Управление Майкопского отдела имею честь доложить, что принимать в обитель на попечение воров я не желаю, да и следить за ними в обители некому. Каждый преступник даже присланный по решению Суда на епитимию хочет живет в монастыре, а хочет уйдет, не окончивши срока епитимии, о чем своевременно доносится начальству, тем и дело кончается, а тем более вышеупомянутый Васильченко никогда не согласится жить в монастыре и всегда может уйти не дождавшись и решения суда». Васильченко на обратном пути из монастыря в Майкоп бежал и не был смог быть разыскан казачьей командой» [11, л. 1–9об.].

Ввиду изложенного следователь просил уведомить его, в какой монастырь епархии он может отправлять малолетних преступников после проведения всех процессуальных досудебных следственных мероприятий. Следует добавить, что несмотря на жесткую позицию настоятеля, Н. Васильченко был приговорен решением суда на два года помещением на исправление в монастырь, и решением Ставропольской духовной консистории он был направлен на исправление в вышеуказанный монастырь [11, л. 1–9об, 121].

Член правления Кубанского исправительного приюта благочинный священник С. Мищенко, командированный правлением для ревизии отделения исправительного приюта при Екатерино-Лебяжем мужском монастыре, предложил настоятелю монастыря перевести отделение приюта в Екатеринодарское монастырское подворье, на что настоятель и братия согласились и оставили вопрос на усмотрение епископа. Монастырь предлагал домовое владение из 12 комнат с 2 кухнями, кладовыми, сараем, погребом и маленький флигель, первый от сада под железной крышей с кухней и комнатой. До устройства своих мастерских монастырь уступал флигель, находящийся на углу с северной стороны подворья в 4 комнаты. Капитальный ремонт зданий монастырь брал на себя, а мелкий и внутренний должен был осуществляться за счет правления приюта. Приют получал право пользоваться садом, если бы был принят надежный сторож.

Благочинный монастырей архимандрит Нил в своем рапорте епископу данное обращение раскритиковал, поскольку считал основной идеей близость воспитанников приюта к монахам, что должно было способствовать духовно-нравственному их исправлению. Расположение приюта на удалении от города давало возможность избегать контакта с городскими развлечениями, и если бы нужно было бы открыть приют в городе, то городское правление взяло бы это начинание на свой счет. Подворье в городе не имело даже церкви и мастерских, которые были хорошо развиты при обители. Серьезной проблемой было также то обстоятельство, что подворье давало

обители 2 тыс. руб. за аренду помещений, лишившись данных средств, монастырь в течение 5 лет не имел остатка по приходским суммам, что осложняло проведение благоустройство Пустыни.

В свою очередь настоятель монастыря игумен Сергей ссылался на то, что возникли трудности в доставке продовольствия и различных припасов, которых не было в пустыни. Кроме этого, ощущался недостаток материала сапожникам и столярам, невозможный сбыт в обители произведенной продукции, от которой бы поступал доход. Недостаток в медицинской помощи и медикаментах, невозможность размещения больных, которые возникали из-за недостатка хорошей и здоровой воды. Остро поднимался вопрос недостатка охраны к пресечению краж и побегов кого-либо из помещенных детей в приюте.

После снятия многих вопросов возникло серьезное препятствие при заключении соглашения с правлением. Было упущено то обстоятельство, что на подворье пустыни в Екатеринодаре уже шли работы по воле покойного преосвященного Германа для его временного здесь пребывания. Монастырь предложил другое подворье в садах, недалеко от Екатеринодара, пожертвованное ранее купцом Порохневским, где имелся молитвенный дом, хорошая вода и турлучные здания, к которым по усмотрению правления могли быть в дальнейшем пристроены необходимые здания. Встал вопрос раздела участка, что было одинаково невыгодно обеим сторонам. Тогда правление, с согласия настоятеля пустыни, решило открыть приют на одном из соседних садовых участков, который приобретался правлением из своих средств с тем условием, что монастырь брал на себя сооружение зданий, которые должны были бы быть построены на монастырском подворье, в сумме до 4000 руб., и предоставлял отделению пользование устроенной церковью для молитвенных целей на своем участке. После снятия всех спорных вопросов у монастыря осталась только обязанность в выдаче правлению пособия в 300 руб. ежегодно и производство расхода на 12 именных императорских стипендий для сирот.

Среди множества трудностей, с которыми сталкивались обители при организации приютов в других епархиях империи, материальный вопрос оставался одним из самых сложных. Исходя из того что монастыри не имели в своих учреждениях подобных приютов, Синод для разъяснения содержания обращался к министру юстиции. По результатам возникшей переписки от 15 декабря 1900 г. было принято решение, чтобы малолетние преступники и преступницы содержались в обителях за счет казны, и плата соответствовала тому, во сколько обходится пища и одежда взрослых арестантов в местных тюрьмах [12, л. 1].

Конечно, не стоит забывать, что допуск малолетних в среду монашества противоречит самому духу монашества, назначению монастырей, целям обителей и их уставам. Несомненно, это вызывало угрозу разрушения монашеской жизни, что могло привести к нарушению установленного порядка в обителях, могло оказывать вредное влияние на молодых насельников обителей, обучающихся при монастырских школах и призреваемых детей, представляло опасность для жизни и имущества братии, монастырского имущества и зданий, являлось поводом для беспорядков в среде богомольцев и других посетителей.

В случаях с совершением преступлений несовершеннолетними рекомендовалось размещать детей в удаленные обители от городов и поближе к воинским гарнизонам. В монастырях с хорошим хозяйством поручать старцам до 6 детей обучению не только нравственным основам веры, но и ведению хозяйства по отраслям или изучению ремесел. По предложению ряда епископов Синод выступил с инициативой открытия особых воспитательно-исправительных заведений для порочных детей в виде колоний при некоторых удобных для этого обителях империи.

При анализе работы первых приютов в нескольких епархиях, среди которых необходимо выделить один из первых, открывшихся в империи при Черноморской Екатерино-Лебяжьей Николаевской мужской пустыни, Синодом были выработаны специальные рекомендации. В них призывалось проводить профилактику детской преступности, через усиление работы местного духовенства, ближе входить в жизнь своей паствы и знакомиться с тем религиозно-нравственным воспитанием детей, которое давалось в той или иной семье. В случае выявления девиации или пренебрежения родителей в деле воспитания, девиантных наклонностей родителей необходимо было прибегать к профилактическим беседам и участию общества в жизни семьи. Законоучителям и заведующим школами не ограничиваться преподаванием Закона Божьего, а входить в жизнь учащихся, знакомиться с их нравственными устоями и наклонностями, особое внимание обращать на тех, кто склонен к насилию и стараться развивать в них добрые наклонности.

На фоне успехов отдельных монастырей епархии епископ Агафадор предложил настоятелям обителей учредить в их стенах такие же приюты или школы грамотности для детей как полезные для формирования религиозно-нравственных основ в обществе, по примеру обителей Кубани. Ссылаясь на материальные трудности их организации и нехватку средств для содержания призреваемых, они все отказались от учреждения подобных заведений на их территории. По согласованию с министерством юстиции Консistorия, в начале каждого последующего года, ставила в известность председателя Ставропольского окружного суда о тех монастырях, которые согласились бы на принятие в стены обители малолетних преступников [13, л. 1].

В 1916 г. Екатеринодарское уездное войсковое руководство обратилось в Ставропольскую духовную консисторию с просьбой размещения в монастырях на условиях патроната нижних чинов, направленных в отпуск для поправки здоровья, поскольку их постоянное место проживания было занято вражескими войсками. Исходя

из условий ограниченности возможности размещения в стенах обители всех направляемых Консistorией в монастыри, настоятель Кавказского миссионерского Николаевского монастыря в своем рапорте просил Консistorию обратиться в Окружные суды, чтобы они не определяли малолетних преступников и лиц, приговоренных судами к епитимии, на отбытие установленных сроков в монастыри. Данная просьба основывалась также на том, что в виду сложившихся обстоятельств монастырь не мог установить надлежащего надзора за определяемыми по решениям суда лицами в стены обители. При этом участились случаи, когда арестанты совершали побег из монастыря. Своим решением Консistorия установила прием малолетних преступников на исправление только к Черноморской Марие-Магдалинской женской обители и Черноморскому Екатерино-Лебяжьему Николаевскому мужскому монастырю [14, л. 2–4].

После начала гражданской войны монастыри епархии не оставались в стороне в деле призрения и исправления оступившихся детей, и к 1918 г., помимо указанных выше обителей, свои двери для них открыли Михайло-Афонская Закубанская мужская пустынь и Александро-Афонская Зеленчукская мужская пустынь [15, л. 2].

Список литературы

1. *Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года*. Гл. вторая, «О наказаниях». Отделение первое. Свод законов Российской империи: издание неофициальное. В 16 т. Т. 15, СПб.: Деятель; 1912. 202 с.
2. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. *Полное собрание законов*. Т. 29. № 31727.
3. Фойницкий И.Я. *Учение о наказании в связи с тюремоведением*. Москва: Добросвет, Городец; 2000. 464 с.
4. Дриль Д. Тюрма и принудительное воспитание. *Журнал Министерства юстиции*. 1900;4.
5. Беляева Л.И. *Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – нач. XX вв.)*. Москва: Акад. МВД России; 1995. 100 с.
6. Дриль Д.А. Малолетние преступники. *Психология преступности*. Вып. 2. Ч. 1. Москва: Тип. Мамонтова; 1888. 267 с.
7. Гончаров В.Н., Колосова О.Ю., Немашкалов П.Г. и др. Патриотический подвиг насельниц женских монастырей Кавказской (Ставропольской) епархии в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (на примере Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни). *Вопросы истории*. 2022;2(6):79–86.
8. Немашкалов П.Г., Шебзухова Т.А. История Черноморской Марие-Магдалинской пустыни в деятельности настоятельниц. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022;9(3): 462–471.
9. *Государственный архив Ставропольского края (Далее — ГАСК)*. Ф.135. Оп. 56. Д. 653.
10. Исправительные заведения для несовершеннолетних. *Тюремный вестник*. 1898;11:573–574.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 56. Д. 751.
12. ГАСК. Ф. 135. Оп. 59. Д. 744.
13. ГАСК. Ф. 135. Оп. 66. Д. 1110.
14. ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 772.
15. ГАСК. Ф. 135. Оп. 77. Д. 50.
16. Kuleshin M., Nemashkalov P., Andreeva E. Historicism in modern ethnic processes: methodological aspects of research. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2021;1:44–50. <https://www.doi.org/10.23947/2414-1143-2021-25-1-44-50>

References

1. *Ulozheniya o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitelnykh 1845 goda* = Regulations on punishments of criminal and correctional 1845. Chapter 2, “About punishments”. D. 1. Code of Laws of the Russian Empire: unofficial edition. 16 volumes. V. 15, Saint Petersburg: Deyatel; 1912. 202 p. (In Russ.).
2. Polozheniye o vospitatelno-ispravitelnykh zavedeniyakh dlya nesovershennoletnikh = Regulations on educational and correctional institutions for minors. *Complete collection of laws*. V. 29. № 31727. (In Russ.).
3. Foynitskiy IYa. *Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniyem* = The doctrine of punishment in connection with prison science. Moscow: Dobrosvet, Gorodets; 2000. 464 p. (In Russ.).
4. Dril D. Tyurma i prinuditelnoye vospitaniye = Prison and compulsory education. *Journal of the Department of Justice*. 1900;4. (In Russ.).
5. Belyayeva LI. *Stanovleniye i razvitiye ispravitel'nykh zavedeniy dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley v Rossii (seredina XIX – nach. XX vv.)* = Formation and development of correctional institutions for juvenile offenders in Russia (mid XIX – early XX centuries). Moscow; 1995. 100 p. (In Russ.).
6. Dril DA. Maloletniye prestupniki = Juvenile delinquents. *Psikhologiya prestupleniya*. Issue. 2. Part 1. Moscow: Tip. Mamontova; 1888. 267 p. (In Russ.).
7. Goncharov VN, Kolosova OYu, Nemashkalov PG. Patrioticheskiy podvig nasel'nits zhenskikh monastyrey Kavkazskoy (Stavropolskoy) yeparkhii v Russko-turetskoy voyne 1877–1878 gg. (na primere Chernomorskoy Mariye-Magdalinskoy zhenskoy pustyni) = Patriotic feat of the nuns of the convents of the Caucasian (Stavropol) diocese in the

Russian-Turkish war of 1877–1878 (on the example of the Black Sea Mary Magdalena monastery for women. *Voprosy istorii*. 2022;2(6):79–86. (In Russ.).

8. Nemashkalov PG, Shebzukhova TA. Istoriya Chernomorskoy Mariye-Magdalinskoy pustyni v deyatelnosti nastoyatel'nits = The history of the Black Sea Mary Magdalene desert in the activities of abbesses. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2022;9(3): 462–471. (In Russ.).

9. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya = State Archive of the Stavropol Territory. F. 135. Special file 56. Doc. 653 (In Russ.).

10. Ispravitelnyye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh = Correctional institutions for minors. *Tyuremnyy vestnik*. 1898;11:573–574. (In Russ.).

11. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya = State Archive of the Stavropol Territory. F. 135. Special file 56. Doc. 751. (In Russ.).

12. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya = State Archive of the Stavropol Territory. F. 135. Special file 59. Doc. 744. (In Russ.).

13. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya = State Archive of the Stavropol Territory. F. 135. Special file 66. Doc. 1110. (In Russ.).

14. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya = State Archive of the Stavropol Territory. F. 135. Special file 74. Doc. 772. (In Russ.).

15. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya = State Archive of the Stavropol Territory. F. 135. Special file. 77. Doc. 50 (In Russ.).

16. Kuleshin M, Nemashkalov P, Andreeva E. Historicism in modern ethnic processes: methodological aspects of research. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2021;1:44–50. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2021-25-1-44-50>

Об авторах:

Немашкалов Павел Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики истории и обществознания, Ставропольский государственный педагогический институт (355029, РФ, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»), paul_2@rambler.ru

Простяков Александр Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры, Северо-Кавказский федеральный университет (355017, РФ, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1), prostyakov.alexandr@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.04.2023.

Поступила после рецензирования 12.05.2023.

Принята к публикации 12.05.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Nemashkalov Pavel Grigorievich, Ph.D. (Advanced Doctorate) in History, Professor of Theory and Methodology of History and Social Studies Department, Stavropol State Pedagogical Institute (417 “A”, Lenin Street, Stavropol, 355029, RF), paul_2@rambler.ru

Prostyakov Alexander Alexandrovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physical Culture Department, North Caucasus Federal University (1, Pushkin Street, Stavropol, 355017, RF), prostyakov.alexandr@yandex.ru

Received 17.04.2023.

Revised 12.05.2023.

Accepted 12.05.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.